

ПИСЬМО Е.Р. ДАШКОВОЙ Г.К. КЕЙЗЕРЛИНГУ О ДВОРЦОВОМ ПЕРЕВОРОТЕ 28 ИЮНЯ 1762 ГОДА

М.М. Сафонов

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Перефразируя В.В. Маяковского, Е.Р. Дашкова имела все основания сказать: «Когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях, ярчайший где, я вспоминаю одно и то же – 28-го первый день». В самом деле, в событиях 28 июня 1762 г., когда в России произошёл дворцовый переворот, княгиня сыграла важнейшую роль, и это давало ей право считать его самым замечательным днём своей жизни.

«Вчера была годовщина воцарения императрицы Екатерины, – записала в “Дневнике” Марта Вильмот. – Это был самый замечательный день в жизни княгини Е.Р. Дашковой. Стоит заговорить о нём, как её лицо начинает светиться и она принимается вспоминать подробности этого события с удовольствием и восторгом»¹. «...княгиня живёт воспоминаниями, она подробно говорит о всём, что видела и слышала и я начинаю воображать себя участницей революции», – делилась своими впечатлениями с Анной Четвуд Кэтрин Вильмот². В имении княгини в Троицком существовал культ 28 июня 1762 г. Гостиную господского дома украшало «замечательное... изображение Екатерины II в полный рост: на серой лошади, одетая в гвардейский мундир – так она выглядела 28 июня 1762 г., в знаменательный день русской революции». Портрет отражался в зеркале, помещённом напротив, и создавал иллюзию движения. Казалось, что императрица скачет прямо на смотрящего³. Княгиня очень любила тропинку в саду, которая, петляя среди берёз, вела к холму. На нём возвышался «гранитный монумент, посвящённый восшествию Екатерины на трон!»⁴. Екатерина Романовна подарила Марте «великолепную золотую табакерку. На одной крышке – прекрасный портрет Екатерины в профиль, а на другой – коронация,

вернее, сцена провозглашения ее императрицей 28 июня с различными аллегорическими фигурами»⁵.

В белорусском селе Круглое в честь сорокалетия «революции» Е.Р. Дашкова в 1802 г. освятила церковь Кира и Иоанна⁶. День этих святых приходился на 28 июня. Наконец, сама дача Кирьяново под Петербургом в буквальном смысле слова являлась памятником дворцового переворота 28 июня 1762 г.

Какова была роль Екатерины Романовны в этом событии, которое она считала «самым замечательным» в своей жизни? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

И Е.Р. Дашкова, и Екатерина II несколько раз высказывались на этот счёт – и высказывались весьма различно. Противоречили не только друг другу, но и сами себе. Это запутало историков. Можно даже сказать, что подлинная роль княгини в тех событиях до сегодняшнего дня так и не определена. Чтобы отыскать истину, необходимо проследить в хронологической последовательности свидетельства двух Екатерин, Великой и Малой, выяснить, как высказывания одной влияли на интерпретацию другой, восстановить ход войны этих интерпретаций. Начать нужно с анализа самого раннего собственноручного свидетельства Е.Р. Дашковой, составленного под свежим впечатлением только что произошедшего переворота. Это живое и непосредственное описание «революции» 1762 г. было составлено княгиней, без какого-либо «вмешательства извне», при отсутствии посторонних влияний, когда она ещё не была обременена необходимостью выступать с опровержениями построений иностранных публицистов и скрыто полемизировать с Екатериной Великой, позиционируя себя Екатериной Малой. При этом надо иметь в виду, что речь идёт о собственноручном (хотя мы и не располагаем сегодня подлинной рукописью) описании переворота, сделанном его участником, самым раннем среди свидетельств, вышедших из-под пера действующих лиц этого *coup d'état*.

Вскоре после переворота Екатерина Романовна описала эти события в письме к Герману Карлу Кейзерлингу, русскому послу в Варшаве⁷. Об отношениях Е.Р. Дашковой с этим человеком почти ничего неизвестно. В «Записках» княгини, написанных в первом десятилетии XIX столетия, то есть почти полвека спустя после переворота, фамилия «Кейзерлинг» встречается дважды. Впервые

Е.Р. Дашкова упоминает о Кейзерлинге, когда рассказывает о том, что курьер русского посла в Варшаве (*an courier de l'ambassadeur de Russie à Varsovie le comte Kaiserling*)⁸ привёз в Петербург печальное известие о смерти её мужа в Польше⁹. Во второй раз эта фамилия появляется при описании первого заграничного путешествия Екатерины Романовны. По предложению графини Кейзерлинг княгиня осталась в Кёнигсберге на шесть дней: «*En arrivant à Koenigsberg j'y trouvai la comtesse de Kaiserling, qui m'engagea à m'y arrêter pendant six jours*»¹⁰.

Супруг княгини М.И. Дашков скончался 17 августа 1764 г., русский же посол в Польше Герман Карл Кейзерлинг (1697–1764)¹¹ умер 19 сентября 1764 г.¹². Графиня Ш.-А. Кейзерлинг, известная художница-миниатюристка, была женой Генриха Христиана Кейзерлинга (1727–1787)¹³, сына русского посла в Варшаве, служившего также по дипломатической части под начальством своего отца. В исторической литературе часто путают обоих Кейзерлингов, отца и сына¹⁴. Адресатом Е.Р. Дашковой был Кейзерлинг-отец, Герман Карл Кейзерлинг.

В момент переворота Г.К. Кейзерлинга не было в столице. Пётр III послал его на конгресс в Аугсбурге для заключения мира. Конгресс не состоялся. Император назначил его послом в Варшаву, но предварительно вызвал в Петербург. Дипломат не успел приехать в русскую столицу до низвержения Петра. В докладе Коллегии иностранных дел, представленном Екатерине II вскоре после её воцарения, упоминались Кейзерлинг и Чернышёв, «которые теперь оба сюда вскоре пребыть имеют». Всеподданнейший доклад с резолюцией императрицы «Быть по сему» был возвращён в коллегию 2 июля 1762 г.¹⁵. А 2 августа Екатерина II писала С. Понятовскому: «*J'envoie incessamment (выделено мною. – М.С.) le comte Kayserling ambassadeur en Pologne pour vous fair Roy*», то есть, «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королём»¹⁶. Очевидно, Г.К. Кейзерлинг прибыл в Петербург в июле 1762 г., вскоре после того, как в ней произошёл переворот, возведший на престол Екатерину II. Здесь вместе с Н.И. Паниным он стал главным советником императрицы по внешнеполитическим делам¹⁷. Тот факт, что Екатерина II отправила Г.К. Кейзерлинга в Варшаву к С. Понятовскому с тем, чтобы выполнить весьма деликатную мис-

сию – возвести бывшего любовника на польский престол и ни в коем случае не допустить приезда поляка в Петербург¹⁸, свидетельствует о высокой степени доверия императрицы к своему confidentу. Письма Екатерины II к С. Понятовскому это вполне подтверждают¹⁹.

Письмо Е.Р. Дашковой не имеет даты, но написано оно ещё до того, как Г.К. Кейзерлинг приехал в Петербург. В столице дипломат мог узнать все подробности переворота на месте событий от Н.И. Панина и Екатерины II. Поэтому описывать произошедшую «перемену» после того, как дипломат вновь покинул Петербург, едва ли имело смысл. Оно написано ещё до того, как сама Екатерина II описала переворот в письме к С. Понятовскому 2 августа 1762 г.²⁰. Стало быть, письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу – это один из самых ранних текстов о перевороте, вышедших из-под пера его участника.

В 1887 г. издатель «Русского архива» П.И. Бартенев опубликовал отрывок этого письма, содержащий описание переворота 1762 г.²¹. В момент публикации подлинник хранился в Пруссии близ Тильзита, в Раутенбурге, поместье графов Кейзерлингов. П.И. Бартенев получил его от А. Кейзерлинга, гофмейстера двора. В настоящее время местонахождение подлинного текста неизвестно. Хотя мы не располагаем подлинником письма Е.Р. Дашковой, подлинность опубликованного текста никаких сомнений не вызывает. В.А. Бильбасову, автору наиболее обстоятельного исследования по истории переворота 1762 г., этот текст остался неизвестным, хотя в момент выхода его книги текст был уже опубликован тринадцать лет назад. Непонятно, почему этот важный текст ускользнул от внимания биографа Екатерины II. Во всяком случае, в перечне источников о «революции» 1762 г., помещённом во втором томе труда В.А. Бильбасова, упоминаний о письме Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу нет²². На фундаментальном труде В.А. Бильбасова вплоть до сегодняшнего дня основываются чуть ли не все биографы Екатерины II, писавшие о её восшествии на престол. Видимо, по этой причине важнейший документ, имеющий первостепенное значение для исследователей дворцового переворота 28 июня 1762 г. – письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу – почти «затерялось» среди других источников. Между тем в этом раннем тексте, написанном ещё раньше, чем императрица высказалась публично о перевороте, и возникшем задолго

до публикаций иностранных публицистов о «революции» 1762 г.²³, представлена чрезвычайно оригинальная интерпретация событий.

Точнее говоря, письмо Е.Р. Дашковой учёные читали, исходя из привычных представлений о событиях 28 июня 1762 г., не замечая очень существенных отличий, носящих принципиальный характер²⁴. А в них-то и заключается ключ к верному пониманию того, что произошло в действительности в этот памятный день. Более того, собственноручно изложенная Е.Р. Дашковой версия позволяет понять и объяснить те неясности и недосказанности, которые находились в других источниках о перевороте и не раз заставляли исследователей почувствовать недостаточность их объяснений. То есть, почему замыслили одно, а поступали совсем по-другому.

Отрывок начинается с упоминания о том, что около 11 часов вечера (очевидно, 27 июня 1762 г.) офицер (имя его не названо) принёс известие об аресте капитана Преображенского полка П.Б. Пассека. «Он был одним из главных наших, – замечает Е.Р. Дашкова, – и только что ушёл от меня»²⁵. Последняя фраза указывает: арест П.Б. Пассека как заговорщика сразу выводил следователей на Екатерину Романовну.

Далее княгиня описывает замешательство среди участников заговора, вызванное предчувствием близкой опасности. Н.И. Панин из деликатности постарался скрыть от Е.Р. Дашковой всю силу этой опасности, сделав вид, что несколько не взволнован случившимся и предложив отложить до завтрашнего утра решение относительно того, какие меры следует принять на основании более точных сведений. Екатерина Романовна думала иначе. «Бывают мгновения, – патетически писала она Г.К. Кейзерлингу, – когда превосходишь самого себя! Поэтому не удивляйтесь, милостивый государь, тому, что я поняла опасность, не испугавшись её. Я нашла, что обстоятельства столь щекотливы, что не стоит терять время на то, чтобы переубедить Панина – оно слишком дорого. Промедление лишь увеличит зло и создаст больше препятствий». В силу этого княгиня предпочла сделать вид, что она должна отдохнуть, пока Орловы соберут более точные сведения²⁶.

Когда все ушли, Е.Р. Дашкова отправилась пешком к Синему мосту на Мойке в надежде встретить там кого-нибудь из своих единомышленников. Вскоре там появился Алексей Орлов. По его сло-

вам, он прибыл сюда, чтобы обсудить с ней, что они должны делать. Княгиня посоветовала ему отправиться к Н.И. Рославлеву («Je lui conseillai d'aller chez le major Roslawleff»), майору Измайловского полка, побудить его идти к гетману К.Г. Разумовскому, стоявшему во главе полка, и рассказать ему о тех критических обстоятельствах, в которых они оказались. Затем Орлову предстояло совершить поездку в Петергоф и доставить императрицу Екатерину в Измайловский полк. В скобках Е.Р. Дашкова поместила важнейшее разъяснение: почему именно было необходимо сделать это. «Car nous avons pris des mesures qu'en cas que le moindre de nous fut pris, les soldats fussent en etat d'être rassembler en deligence». То есть: «Потому что между нами было решено: в том случае, если даже самый незначительный из нас будет схвачен, собрать солдат сейчас же»²⁷. Схвачена могла быть и императрица Екатерина Алексеевна.

Эта реплика Е.Р. Дашковой объясняет суть дела. Императрице Екатерине угрожала опасность. Е.Р. Дашкова решила: чтобы её спасти, следовало во что бы то ни стало доставить её в Измайловский полк и отдать под охрану измайловцев. А.Г. Орлов с ней согласился. Чрезвычайно важно: речь не шла о том, чтобы её провозгласить регентшей при малолетнем сыне, великом князе Павле, или возвести на престол как государыню. Пока что дело заключалось лишь в том, чтобы уберечь Екатерину от грозившей ей опасности с помощью Измайловского полка. Никаких других решений в этом совещании на Синеем мосту принято не было. Сделать её недосягаемой для Петра III, а дальше видно будет.

После того, как совет Е.Р. Дашковой был принят Алексеем Орловым, Екатерина Романовна вернулась домой. Чтобы не вызвать подозрений прислуги, она сразу отправилась в постель. Не успела княгиня лечь, как явился младший из Орловых («le cadet des Orloffs»), то есть Фёдор). Он пришёл спросить, считает ли она совершенно необходимым предупредить Екатерину об опасности, и не потревожат ли её совершенно напрасно. Е.Р. Дашкова убедила Ф.Г. Орлова, и он отправился к брату Алексею сообщить, чтобы тот ехал в Петергоф. Далее княгиня написала следующие слова: «Tout fut en consequence de cet arrangement». – «Все прочие было сделано вследствие этого распоряжения»²⁸.

Совершенно очевидно, Е.Р. Дашкова свою роль в перевороте видела в том, что она первая подала мысль: для спасения Екатерины

необходимо привезти её из Петергофа в Измайловский полк, а затем настояла, чтобы это было приведено в действие. Всё, что произошло после, явилось лишь следствием её инициативы.

Екатерина прибыла в расположение Измайловского полка. Там её провозгласили государыней («ou elle fut proclamée souveraine»). Все полки принесли ей присягу. Императрица захала в Казанскую церковь. Затем она направилась в новый Зимний дворец на Неве. Туда же явилась и Е.Р. Дашкова. Перед дворцом не присягнувшие ещё части принесли присягу. После этого Екатерина со своим двором отправилась в старый Зимний дворец на Мойке. Здесь ей пропели «Тебе Бога хвалим» (Thédeum). После этой церемонии княгиня имела счастье возложить на Екатерину ленту ордена св. Андрея Первозванного. После заседания Сената Екатерина с войсками направилась в Петергоф. Е.Р. Дашкова также верхом сопровождала её²⁹. Своё описание княгиня завершила такой красноречивой фразой: «Простите меня, если моё писание и мои действия не соответствовали вашему ожиданию, приняв во внимание, что **в пределах способностей моих, я не пренебрегала ничем. Если я не сумела больше, то по-человечески не имела возможности**» (выделено мною. – М.С.) (Je vous supplie de me pardonner, si mon écrit et mes actions, n'ont point répondu à votre attente, en considération de ce, que **j'ai employé toutes les ressources de mes facultes et que si je n'ai point fait plus, il m'a été humainement possible de faire davantage**)³⁰.

Замечу сразу, что никакой кареты для Екатерины, как об этом рассказывалось потом в «Записках» Е.Р. Дашковой, Екатерина Романовна в Петергоф не посылала³¹. Равно как она не отдавала никакого приказа Алексею Орлову («j'avais prescrit à Alexis Orloff») ³² передать на словах от её имени, чтобы Екатерина «воспользовалась наёмной каретой и не теряя времени отправилась в Измайловский полк, где она будет настоятельно объявлена монархиней» («que sa majesté fasse usage de la voiture de louage et que sans perte de tems elle se rende au regiment d'Ismailovsky, où elle sera proclamée souveraine instamment») ³³.

Из незатейливого изложения Е.Р. Дашковой, посланного Г.К. Кейзерлингу, ясно видно: её роль сводилась к тому, что она дала первый толчок, тем событиям, которые в итоге произошли. Несомненно, настояв на том, чтобы обожаемая ею Екатерина была

увезена из Петергофа, княгиня вполне удовлетворилась этим. Далее события развивались без неё. Той ночью княгиня вовсе и не предполагала, что утром в Измайловской слободе Екатерину провозгласят самодержавной императрицей, как впоследствии мемуаристка утверждала в своих «Записках».

Это оказалось делом рук Орловых. Они умело воспользовались благоприятной для них ситуацией и сделали своё дело. Орловы вовсе не исполняли приказания Е.Р. Дашковой провозгласить императрицу самодержицей, потому что такого распоряжения из уст княгини и не исходило вовсе. Это была их личная инициатива. Хотя ряд источников свидетельствует о том, что в планы части заговорщиков входило сделать Екатерину только правительницей. Это подтвердила Екатерина, да и сама Е.Р. Дашкова в своих замечаниях на книгу К.-К. Рюльера оставила недвусмысленное свидетельство этого.

Из письма Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу становится понятно, почему княгиня ничего не предприняла лично, когда Екатерина была привезена в Петербург из Петергофа. По мысли Екатерины Романовны, императрицу должны были доставить под прикрытием преданной ей военной силы. Это было дело Орловых. Княгиня в этой операции не отводилось никакой роли, и это вполне естественно. Так оно и произошло. Когда застигнутые врасплох конспираторы совещались возле Синего моста, ещё не было принято никакого решения относительно того, что заговорщики собирались делать, когда Екатерина прибудет в Измайловский полк и окажется под защитой измайловских штыков. Орловы действовали на свой страх и риск и добились всего, чего хотели.

Относительно того, какова была в действительности роль каждого из главных участников переворота, в первые месяцы после воцарения Екатерины II развернулась настоящая война, в которой и Г.К. Кейзерлинг сыграл свою далеко не последнюю роль. Борьба же трактовок оставила существенный, но до сих пор недостаточно оценённый след в истории российско-французских отношений второй половины XVIII в., даже можно сказать, в истории взаимовлиянии культур этих двух стран. Она послужила первотолчком к возникновению такого ценного памятника, как «*Voltaire Catherine II: Correspondance 1763–1778*». Но это уже совершенно особый сюжет³⁴.

Примечания

- ¹ Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. М., 1991 (далее: Дашкова, 1991). С. 471.
- ² Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 460.
- ³ Там же; Дашкова, 1991, 351–352;
- ⁴ Там же. С. 352.
- ⁵ Там же. С. 321.
- ⁶ Фирсова Е.Н. История некоторых находок и открытий при изучении жизни княгини Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 334.
- ⁷ Герман Карл Кейзерлинг (1697–1764), граф, действительный тайный советник, президент Академии наук (1733 г.), вице президент Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел, полномочный министр в Польше. (Кейзерлинг Герман Карл // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. СПб., 1897. С. 601–604).
- ⁸ Mon Histoire // Архив князя Воронцова. Т. XXI. М., 1881. С. 119.
- ⁹ Екатерина Дашкова. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 69 (далее: Дашкова, 1985).
- ¹⁰ Mon Histoire. С. 127; Дашкова, 1985. С. 74.
- ¹¹ Кейзерлинг Генрих Христиан // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 604–605.
- ¹² Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1878. С. 325–589.
- ¹³ Генрих Христиан Кейзерлинг // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 604–605.
- ¹⁴ Так В.А. Бильбасов называет екатерининского дипломата Германа Кейзерлинга Генрихом, а даты его жизни указывает: 1727–1794. (*Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин. 1900. С. 812). Эта ошибка повторена в суворинском издании «Записок» Екатерины II (Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 732) В именном указателе «Архива князя Воронцова» «*comte Kaiserling*» никак не идентифицирован (Mon Histoire. С. 119, 474.) В комментариях Г.Н. Моисеевой к изданию русского перевода «Записок» Е.Р. Дашковой, выпущенного Пушкинским домом (Дашкова, 1985. С. 69.), это имя никак не прокомментировано. В издании Московского университета публикаторы назвали «графа Кейзерлинга» русским послом в Пруссии, Австрии и Польше Карлом Генрихом (?) фон Кейзерлингом и указали даты его жизни 1727–1794. (?) (*Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 90,445 (далее: Дашкова, 1987).
- ¹⁵ Сб. РИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 10.
- ¹⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 562. Проект рескрипта послу, подписанный императрицей датирован 6 августа 1762 г. (Сб. РИО. Т. 48. С. 59).
- ¹⁷ Автор статьи о Кейзерлинге, подписаной «Н.Ч.» (Н.Д. Чечулин?), отметил, что Екатерина II высоко ценила дипломатическую опытность Кейзерлинга, уважала его мнения и переписывалась с ним чаще, чем с кем либо другим из своих сотрудников, находившихся вне Петербурга (Кейзерлинг Герман Карл // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 602).

¹⁸ Бильбасов В.А. Указ. соч. Т. 1. Берлин. 1900. С. 468–469.

¹⁹ «У вас будет Кейзерлинг, который будет служить вам как нельзя лучше, – писала Екатерина II 9 августа 1762 г. В письме 11 ноября 1762 г. императрица особо отметила, что только Кейзерлинг знает о её намерениях, потому что она поведала их лишь ему. «Он пользуется всем моим доверием, – подчеркнула государыня, – и моими инструкциями, написанными собственной моей рукой». 27 апреля (без означения года) Екатерина II выговаривает С. Понятовскому за то, что он пишет ей, несмотря на её категорические просьбы этого не делать, и рекомендует попросту передавать Кейзерлингу всё, что бывший фаворит считает нужным сообщить ей. Наконец, 5 января (год не обозначен) императрица уверяет С. Понятовского в том, что Кейзерлинг посвящён ею «в самую большую... тайну», и если не открывает её ему, то только потому что ещё недостаточно хорошо его знает (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 572, 577, 580, 581).

²⁰ Там же. С. 562–571.

²¹ Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. № 10. С. 185–191.

²² Бильбасов В.А. Указ. соч. Т. 2.

²³ *Rulhier C.-C. Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797; Castéra J. Vie de Catherine II. T. 1–2. Paris, 1797.*

²⁴ Так, например, А.И. Воронцов-Дашков утверждал, что текст письма к Кейзерлингу и текст «Записок» Е.Р. Дашковой почти идентичны (*Princess Dashkova. Mon Histoire: Mémoires d'une femme de lettres russe à l'Époque de lumières. Paris, 1999. P. 260*).

²⁵ Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 185.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 186.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 191.

³¹ *Mon Histoire. С. 70,71.*

³² *Ibid. С. 72.*

³³ *Ibid. С. 71.*

³⁴ См. подробно: Сафонов М.М. Вольтер, Е.Р. Дашкова, Екатерина II // Вольтеровские чтения (В печати).